

Фонарь на дороге напротив отделения Бэйе перегорел, и в глазах Чэнь Чжэна фигура Мин Ханя быстро растворилась в чернильной темноте. Слова, брошенные напарником на прощание, заставили его на мгновение задуматься, пока тишину не прорезал звук клаксона сзади. Машина Чэнь Чжэна перегородила путь, и он уже собирался отъехать, когда заметил, что это служебный автомобиль отделения.

Кун Бин только что вернулся с обхода. Будь на месте Чэнь Чжэна кто-то другой, он бы просто объехал, но, узнав машину коллеги, инстинктивно нажал на сигнал.

— Ты чего тут застыл? — Кун Бин вышел из машины. Чэнь Чжэн тоже открыл дверь. Кун Бин заглянул в салон: — Если нужно в управление, чего внутрь не заехал?

Чэнь Чжэну было лень объяснять, что он просто подвозил Мин Ханя.

— Капитан Кун, есть новости по жилому комплексу «Фэншу»?

Лучше бы он не спрашивал — лицо Кун Бина стало еще мрачнее. После дневного совещания руководство во главе с начальником Чжаном снова затащило их на летучку, так что на саму работу времени почти не осталось. Центром расследования по-прежнему были жилой комплекс, переулок с закусками и личность самой Цзэн Янь.

Впечатления жильцов о Цзэн Янь ограничивались фразами «вкусные закуски» и «приветливая женщина». Пару лет назад сердобольные соседки, видя, как одинокая женщина надрывается с утра до ночи, пытались сосватать ей жениха. Но Цзэн Янь всегда отвечала, что рожать — это тяжкий труд, растить детей — безумно дорого, а она сама еще «не научилась жить для себя», чтобы брать на плечи такую обузу. Получив холодный отказ, соседи перестали лезть в её личную жизнь.

— Знаешь, на что это похоже? — Кун Бин не выдержал и начал изливать душу Чэнь Чжэну. — После стольких допросов у меня чувство, будто этот человек парит в воздухе. У нас есть две Цзэн Янь. Первая — несносная девчонка, но она живая, легко проследить, с кем она враждовала. А вторая — словно фальшивка. Невозможно уловить, как и чем она могла навлечь на себя смерть.

Слушая жалобы Кун Бина, Чэнь Чжэн невольно вспомнил своих бывших подчиненных. Те тоже любили понуть, и умение слушать было частью его обязанностей как начальника убойного отдела. Теперь он формально лишь «исследователь», но люди всё равно несли ему свой негатив, будто он по природе своей был обязан впитывать чужое недовольство, пережевывая его и выдавать обратно в виде спокойствия и мотивации двигаться дальше.

Кун Бин, видимо, осознал, что наговорил лишнего, и с натянутым выражением лица добавил:

— Сегодня мы нашли стариков, которые помнят Цзэн Цюня. Их слова подтверждают версию Чжэн Сянсюэ.

— Что Цзэн Цюнь в молодости был отъявленным грубияном? — уточнил Чэнь Чжэн.

Кун Бин кивнул. Когда Цзэн Цюнь открыл лавку «Закуски Сяо Янь», он стал подчеркнуто вежливым и отзывчивым. Название в честь дочери добавило ему очков в глазах соседей. Со временем люди забыли, каким бездельником он был раньше. Когда он заболел, многие даже помогали ему.

Но старожилы, видевшие его в драках, до сих пор его опасались. Они помнили, что его

родители работали на местном заводе, у него была старшая сестра, а сам он был младшим в семье. Родители по связям пристроили его на завод, но дисциплина была не для него — в итоге его выперли. После этого он окончательно опустился, связался с отребьем. Когда были деньги, дома не показывался, когда кончались — шел трясти мать. Завод канул в лету вместе с эпохой, родители умерли, сестра оборвала с ним все связи, и Цзэн Цюнь окончательно распоясался. Ходили слухи, что он даже приторговывал наркотиками.

— Есть доказательства? — насторожился Чэнь Чжэн.

Кун Бин покачал головой:

— Только слухи. Сейчас я хочу найти его сестру. И еще кое-что. Проверая архивы, я обнаружил, что Цзэн Цюнь никогда не был официально женат. Хотя старики говорят, что видели женщину, которую принимали за его жену.

— Не был женат... — Чэнь Чжэн задумался. — Нужно найти сестру. Родные знают о его личной жизни больше соседей. Кроме того, у меня есть одна теория, которую нужно подтвердить через неё.

— Какая?

— Я подозреваю, что нынешняя жертва, которую мы зовем Цзэн Янь, и есть настоящая дочь Цзэн Цюня.

Кун Бин опешил:

— Почему? А та, прежняя, тогда кто?

Чэнь Чжэн вкратце пересказал то, что узнал во второй школе.

— От того, кем была дочь Цзэн Цюня на самом деле, зависит всё направление моего расследования.

Кун Бин некоторое время переваривал это, глядя на Чэнь Чжэна странным взглядом.

— Что? — не выдержал Чэнь Чжэн.

Кун Бин усмехнулся:

— Не зря ты был начальником убойного отдела в столице. Кое-что соображаешь.

Чэнь Чжэн обычно игнорировал подобную колкость, но сегодня, видимо под влиянием целого дня с Мин Ханем, ответил прямо:

— Давай без сарказма.

Кун Бин нахмурился, в его взгляде смешались неловкость и раздражение. Спустя пару секунд он выдавил:

— Я не иронизировал.

Чэнь Чжэн уже открыл дверь машины, но обернулся. Кун Бин, явно не мастер выражать мысли, хотел что-то добавить, но лишь махнул рукой:

— Забудь.

По пути домой Чэнь Чжэн заглянул в переулок с закусками. Торговцы вовсю работали — казалось, преступление их не коснулось. Только патрульных стало больше, а детей у лотков поубавилось: родители поспешили загнать их по домам.

Дома Чэнь Чжэн включил легкую музыку. Некоторое время он сидел с закрытыми глазами, а затем открыл блокнот, чтобы привести в порядок ворох новых улик.

В это же время Кэ Шуэр не находила себе места. На полу валялись осколки разбитой чашки и изувеченные фигурки из её коллекции. Цзэн Янь мертва? Ну и что с того? Они просто учились в одной школе! Тот полицейский еще плел что-то о том, что нынешняя Цзэн Янь — не та, старая... Зачем он сказал это именно ей? Проверять реакцию?

Она вцепилась в волосы, мучительно вспоминая: что именно она лягнула полиции? Не выдала ли какую-то деталь, которую нельзя было знать посторонним?

Она снова набрала номер без имени в записной книжке. Снова тишина.

— Черт! — крикнула она в пустоту. — Ты сдох там? Почему тебя никогда нет, когда ты нужен?!

Ночь тянулась бесконечно. Мысли о Цзэн Янь, о «подмене» и загадочном взгляде копа не давали ей уснуть.

Внезапно тишину разорвал звонок телефона. Кэ Шуэр вздрогнула, сердце забило в горле, закружилась голова. Подсознательно она решила, что «тот человек» увидел пропущенные и перезванивает. Она схватила трубку, но на экране светился незнакомый номер.

Ладони вспотели. Звонок продолжался, вибрация, казалось, передавалась прямо в сердце. Она не ответила. Когда стало тихо, она слышала только свой бешеный пульс. Но стоило ей чуть успокоиться, звонок повторился. С того же номера!

Поколебавшись, она осторожно приняла вызов, но не проронила ни звука. На том конце тоже молчали. Затаив дыхание, она услышала чужое дыхание в трубке.

— Кто это? Говори! — не выдержала она.

Тишина. словно некто наслаждался её паникой.

— Да скажи ты хоть слово, придурок! — сорвалась она на крик.

Снова вдох-выдох на том конце, и через секунду — короткие гудки.

Она отшвырнула телефон, как ядовитую змею, и бросилась в ванную. Взглянула в зеркало на свое искаженное гневом лицо, опустила голову и начала неистово плескать в лицо ледяной водой. Через полминуты она подняла голову и замерла — зрачки сузились до предела.

В зеркале было не её лицо. Там была Цзэн Янь... молодая Цзэн Янь из школы. Она стояла будто на краю обрыва, и на её губах играла холодная усмешка:

— Сдохнуть — это самое то.

— А-а-а! — истошный крик Кэ Шуэр захлебнулся. Мгновение — и в зеркале снова была она сама. Не такая красивая, как Цзэн Янь, и гораздо старше. Она пошатнулась, ударилась о дверь ванной и медленно сползла на пол, бессильно колотя руками по кафелю.

Утром Чэнь Чжэн приехал в Бэйе пораньше. Его интересовали две вещи: нашли ли родственников Цзэн Цюня и установили ли личность женщины, оставившей ДНК в квартире жертвы.

— Брат, так рано? — Мин Хань появился с бумажным пакетом, полным выпечки. — Хочешь?

Чэнь Чжэн прошел мимо. На пакете значилось «Вэймин» — известная в Чжуцюане кондитерская. Он часто видел их рекламу и очереди у входа, но сам никогда там ничего не покупал.

— Ешь сам.

— Тут слишком много, я один не справлюсь. Купил на всех, — Мин Хань не отставал. — Неужели ты уже позавтракал?

Чэнь Чжэн обычно не ел в столовой института, перекусывая чем-то купленным заранее, но в суматохе последних дней забыл о припасах.

— По лицу вижу, что нет, — Мин Хань как-то умудрился это считать. Он выудил из пакета сырный рулет: — Держи, этот самый ароматный.

Запах сыра поплыл по коридору участка. Для человека с пустым желудком это было невыносимо заманчиво. Чэнь Чжэн взял рулет:

— Спасибо. С меня должок.

— Поймал на слове, — легко отозвался Мин Хань.

В кабинете Мин Хань привычно начал раздавать еду. Часть группы дежурила всю ночь и была смертельно голодна, другие только пришли на смену. Пока в деле не было прорывов, все решили хотя бы перекусить.

Чэнь Чжэн жевал рулет, глядя на Мин Ханя в центре толпы. В любой команде есть такие люди-солнца, притягивающие к себе окружающих.

— Птица-бро, ты в мобильной группе тоже всем завтраки таскал? — спросил кто-то из оперов.

Чэнь Чжэн поперхнулся. «Птица-бро»? Вчера он был капитаном Мином, а сегодня уже обзавелся кличкой?

— Раньше нет, недавно привычка появилась, — ответил Мин Хань, раздавая булки.

— С чего бы?

— Из-за питомника. Утром ворота открываешь — а на тебя свора псов лает. Если еды не дашь, самого сожрут.

Оперы: ...

Чэнь Чжэн посмотрел на последний кусок рулета в руке. Ладно, рулет не виноват. Съел и съел.

— Ах ты паршивец! — кто-то в шутку отвесил Мин Ханю подзатыльник. Опера с хохотом накинулись на «наглеца», который сравнил их с собаками. Мин Хань со смехом уворачивался. Вчерашняя официальность «по отношению к учителю из мобильной группы» испарилась без следа.

Чэнь Чжэн выбросил обертку в урну. Он понимал: Мин Хань сделал это намеренно. Этот парень был куда глубже, чем казался.

— Это пирожные из «Вэймин»? — продолжали болтать опера. — Бро, ты только приехал, а уже знаешь, что у нас в почете.

— Часто в ленте попадалось. Это старая лавка? — спросил Мин Хань.

— Да нет, всего пару лет как открылись. Просто владелец умеет в рекламу, да и продукты качественные, вот и раскрутились.

— Хотя слышал, у них там недавно какие-то терки были, их вроде другая сеть перекупила...

Найти родню Цзэн Цюня оказалось непросто. Семья была немногочисленной, родственники по линии отца давно затерялись. Его сестра, Цзэн Ли, уехала в другой регион, вышла замуж и много лет не подавала вестей. Полиции удалось связаться с ней. Узнав о смерти брата и племянницы, она после недолгих колебаний согласилась приехать в Чжуцюань.

Цзэн Ли было за шестьдесят. Она немного располнела, но было видно, что в молодости она была красавицей. В отделении она сразу попросила увидеть Цзэн Янь. Тело жертвы выглядело ужасно — его нашли не сразу, начались процессы разложения. Обычно родственникам такое не показывают, но Чэнь Чжэн, договорившись с Кун Бином, проводил женщину.

Когда тело наполовину выдвинули из холодильника, Цзэн Ли задрожала. Но она сохранила самообладание: отвела взгляд на секунду, а затем снова посмотрела на лицо трупа.

Десять минут спустя Чэнь Чжэн привел её в комнату для допросов.

— Она... она совсем не такая, какой я её помню, — сказала Цзэн Ли. — Мы не виделись больше десяти лет. Встреть я её на улице — не узнала бы.

— В чем именно разница? — спросил Чэнь Чжэн.

Цзэн Ли долго думала.

— Трудно сказать. В детстве она была очень похожа на меня. Но она вообще не должна была рождаться. Мой брат — скотина, он не заслуживал права быть отцом.

«Похожа на тетю?» Значит, та, прежняя Цзэн Янь, действительно была дочерью Цзэн Цюня?

— Что значит «не должна была рождаться»?

Цзэн Ли вздохнула:

— Цзэн Цюнь изнасиловал девчонку из деревни. Так она и появилась. Вот скажите, разве он не

скотина? Разве Цзэн Янь должна была появиться на свет при таких обстоятельствах?

Это была важная зацепка, объясняющая отсутствие записи о браке. Чэнь Чжэн терпеливо слушал семейные тайны.

Цзэн Ли давно разочаровалась в родителях, которые баловали младшего брата. Она рано уехала из города, а когда возвращалась, всегда слышала о новых проделках Цзэн Цюня. Родители всю жизнь проработали на заводе, у них были сбережения, которые и покрывали его «расходы». Она думала, что у него есть хоть какие-то границы, но двадцать восемь лет назад мать написала ей: Цзэн Цюнь обрюхатил девчонку.

Она примчалась домой и увидела ту девушку. Она жила у их родителей, ожидая ребенка, пока Цзэн Цюнь где-то шляется. Девушку звали Сяо Хуа. Деревенская, без связей и жилья, она не могла найти работу. Брат отказывался на ней жениться. Он просто бросил её у родителей и исчез на время. Старики хотели внука, девушке некуда было идти — так и остались жить под одной крышей.

Цзэн Ли хотела заявить в полицию, но мать со слезами на глазах вlepила ей пощечину, крича, что «отрезанный ломоть» хочет сгубить родного брата.

Через полгода родилась Цзэн Янь. Когда Цзэн Ли приехала снова, Сяо Хуа уже не было. Брат равнодушно бросил: «Родила и ушла». Вскоре он снова исчез. Цзэн Янь росла без любви родителей, на руках у деда с бабкой. Став отцом, Цзэн Цюнь не изменился: бездельничал, пропадал месяцами, а домой заявлялся как в гостиницу.

Цзэн Ли больше никогда не видела Сяо Хуа и не знала, жива ли она. У неё были самые мрачные подозрения — что брат с родителями убили её, — но здравый смысл подсказывал, что старики на такое не способны.

Цзэн Янь росла. Раз в несколько лет Цзэн Ли навещала их. Все говорили, что племянница — копия тети в детстве. Чувствуя вину перед Сяо Хуа, Цзэн Ли всегда баловала девочку, покупала ей игрушки и одежду. Маленькая Сяо Янь очень тянулась к ней.

Но со временем в девочке проступили черты отца — злоба, упрямство, тяга к насилию.

В последний визит Цзэн Ли племянница уже была школьной хулиганкой: яркий макияж, драки, вымогательство денег — вылитый Цзэн Цюнь. И чем больше она походила характером на отца, тем сильнее физически напоминала саму Цзэн Ли. Видя это лицо, женщина чувствовала лишь груз вины.

— А сегодня она показалась мне чужой, — Цзэн Ли растерянно посмотрела на Чэнь Чжэна. — Дети меняются, когда взрослеют, но не настолько же...

Чэнь Чжэн озвучил главную просьбу — сдать ДНК для сравнения. Цзэн Ли замерла, осознав масштаб.

— Она не Цзэн Янь? Тогда где настоящая?!

Никто не мог ответить на этот вопрос.

Пока ждали результаты экспертизы, Чэнь Чжэн продолжал расспросы. Цзэн Ли оказалась очень эмоциональной женщиной, полжизни прожившей в чувстве вины перед Сяо Хуа. То, что она не могла дать полиции никаких зацепок о матери девочки, причиняло ей боль.

Она вспоминала Сяо Хуа как женщину с сильной жадой жизни. Грубоватая в манерах, часто ругающаяся матом, она обладала удивительно ярким, живым взглядом. Цзэн Ли даже казалось, что на эту девушку можно положиться.

Но как это было возможно? Сяо Хуа не нашла в себе сил даже уйти от своего мучителя. Она была полностью сломлена и зависима.

Цзэн Ли вытерла слезы и вдруг сказала:

— Послушайте, а вдруг Сяо Хуа забрала дочку? Если она жива, она не могла не тосковать по своему ребенку!

— Это одна из версий, мы её проверим, — ответил Чэнь Чжэн.

Поздно вечером пришел результат ДНК-экспертизы. Убитая женщина не имела никакого родства с Цзэн Ли. Она не была дочерью Цзэн Цюня.

Чэнь Чжэн смотрел на отчет, и его взгляд становился всё тяжелее. Он ошибся. Пропавшая Цзэн Янь и была настоящей дочерью. Но тогда как объяснить, почему Цзэн Цюнь помогал самозванке скрывать правду?

<http://bllate.org/book/17170/1609215>